Я смотрел на инферналку, стараясь не таращиться. Она была высокой для женщины, вероятно, по крайней мере на полголовы выше двадцатилетнего меня. Черты ее лица были похожи на черты лица Майи, хотя она сурово нахмурилась.

— Вы моя поверенная на заседании совета?

Неттари наклонила голову, ее белые глаза невозможно было прочесть. — Конечно. Моя дочь провела обряд. Это правильно. — Ее голос был монотонным, с малейшим намеком на сарказм.

Я поклонился ей. — Спасибо за вашу помощь. Не уверен, что смог бы продержаться здесь долго.

Она ответила поклоном, но ее поклон был более глубоким, чем мой. — Это мой долг. Уверена, что моя дочь все тщательно обдумала, прежде чем втянуть нашу семью в борьбу за власть в городе, и это не было результатом ее пресловутой склонности действовать импульсивно.

Я почувствовала укол вины. — Прошу прощения за то, что усложнил вам жизнь.

— Анклав не был бы анклавом, если бы не было трудностей, — простодушно сказала Неттари. — Это наша стезя. Идемте.

Я последовал за ней к выходу из помещения. Снаружи двери были такими же гладкими, отмеченными лишь одной светящейся линией. Светящиеся полосы на других камерах были все красные, кроме одной, которая была синей.

— Кто там? — спросил я.

— Там те, кем недоволен Гемон на этой неделе, — не сбавляя шага, ответила Неттари. В ее походке было что-то почти благородное, плавность шагов, которой многим недоставало. Стражники смотрели на меня, когда мы проходили мимо. Сердце заколотилось от мысли, что они могут передумать и бросить меня обратно.

Я прошел через двери, и свет искусственного солнца залил меня, ослепив. На мгновение, пока зрение было размыто, сознание устремилось… куда-то в иное место. Я увидел внутри причудливую комнату, маленькую и обжитую. Перспектива сместилась, поднявшись к потолку.

Затем мгновение прошло, и зрение вернулось. Достопримечательности и звуки города были ошеломляющими. Мимо пронеслась женщина на спине жутекрота, едва не задев меня.

— Возможно, это разница в культуре, но здесь мы обычно ходим по тротуару, — сказала Неттари.

Я стыдливо вернулся к ней. Дальше мы шли молча.

— Должен ли я благодарить вас за спасение моей жизни? — спросил я. Постоянная боль, которую я испытывал раньше, превратилась в тупую боль.

— Это была моя дочь. Я всего лишь ее пособник. — Неттари бросила взгляд через плечо в мою сторону. — Жрецы не хотели иметь с вами ничего общего, но она настаивала. За последние несколько недель я так часто слышала слова «Обряд Шалиата», что они перестали звучать как слова.

— Значит, я здоров?

— Вряд ли, — холодное раздражение промелькнуло на ее лице, — было бы лучше, если бы вы избегали чрезмерного применения магии. — Ее взгляд переместился на меня. — В том числе не стоит втягивать потенциал маны лесного пожара данталиона в свою неподготовленную душу и не ожидать никаких последствий. Также перестаньте поджигать леса.

— Горел только небольшой участок леса, — пробормотал я, чувствуя излишнее осуждение. Было логично, что Майя раскрыла подробности того, что произошло в лесу, своей матери, но это все равно застало меня врасплох.

— Действительно. — Она закатила глаза. — Просто успокойтесь на некоторое время. С небольшой удачей и реабилитацией, все скоро вернется в норму, и если встреча с советом пройдет по плану, вы будете должным образом проинформированы о своих возможностях.

— Думаете, у меня есть шанс?

— О да, — сказала Неттари, ее глаза вспыхнули. — Гемон раскрыл свои карты в тот момент, когда посадил вас в камеру.

Дом Неттари представлял собой лишь два больших деревянных ящика, поставленных друг на друга, с облупившейся краской и решетками на окнах. Внутри все было захламлено, деревянные доски на полу проваливались в землю.

На подготовку ушло несколько часов. Неттари настаивала на важности внешнего вида и пренебрежительно отозвалась о моем, напомнив мачеху, но, в отличие от нее, Неттари была права. Мои волосы стали слишком длинными. Отец никогда не заботился о таких вещах, а мать не слишком следила за внешностью, поэтому волосы у меня обычно были длинноваты. Однако за то время, что прошло между караваном и нынешним днем, они стали совсем неухоженными. Она привела меня в маленькую ванную и высунула голову из двери.

— Кильвиус! — крикнула Неттари. В ответ на ее крик раздался медленный, протяжный плач младенца. — Проклятые боги! — Она приложила руку ко лбу. Плач младенца стал громче,

когда по коридору раздались шаги.

— Да, моя прекрасная жена? — Кильвиус вошел в комнату, держа на руках плачущего синего ребенка. Меня удивило, что Мортус говорил буквально — Кильвиус был краснокожим, хотя я не знал, почему именно это плохо.

Неттари скрестила руки в знак извинения. — Прости, прости. Я возьму его, ты можешь просто… — Она неопределенным жестом указала на меня и ножницы на стойке.

— Он хорошо платит? — Кильвиус усмехнулся.

— Понятия не имею.

— Думаю, мы это узнаем. — Кильвиус плавно передал Неттари ребенка и направился ко мне. Неттари покачивала ребенка взад-вперед, напевая сдавленным глухим голосом. Казалось, они делали это уже тысячу раз. Трудно было придумать более эксцентричное знакомство.

Я насторожился, услышав голос Майи из коридора: — Мама, папа, это…

— Возвращайся в свою комнату! — Они сказали это одновременно со вспышкой раздражения, которое рассеялось так же быстро, как и появилось. Кильвиус подошел и тепло пожал мне руку. — Кэрн?

Я с облегчением потряс его руку, увидев дружелюбное лицо. — Кильвиус, должно быть.

Он выглядел на мгновение удивленным, затем рассмеялся. — Полагаю, вы поняли это, когда меня позвали. — Он взял свежее полотенце из-под стойки и с отработанной точностью обернул его вокруг моей шеи. — Два часа укладывал его, и в одно мгновение все пропало. Такова жизнь.

— Как его зовут? — Трудно сказать, почему я спросил. Просто это показалось вежливым.

— Агарин, но мы зовем его просто Рин. Через неделю ему исполнится четыре месяца.

Кильвиус болтал о Рине, пока продолжал стричь мои волосы, уверенно и грамотно укладывая их ровными рядами. Это была самая быстрая и эффективная стрижка в моей жизни.

В дверь просунул голову еще один ребенок, ближе к моему возрасту. — Папа, мне нужно в туалет.

— Мы закончим через минуту, Джорра, — сказал Кильвиус.

Он нахмурился. Его светло-голубое лицо ненадолго повернулось ко мне с любопытством, а затем он тут же отшатнулся от меня и ушёл.

Семья такого размера с одной ванной комнатой? Как они все собираются по утрам?

— Мы ходим по очереди, — проницательно сказал Кильвиус. Я моргнул. Он либо прочитал мои мысли, либо мое выражение лица выдало слишком много информации.

— У вас прекрасная семья, — сказал я, пытаясь увести разговор от неловкого момента.

— Самая лучшая, — тут же ответил он. Кильвиус положил ножницы, нанес какой-то бальзам, и я понял, что всё готово. Я выглядел как прежде — даже лучше. Мои клубнично-светлые волосы практически сияли.

— Пока Неттари не увела вас. Я понимаю, что вы спасли мою дочь. — Он вытер полотенцем мою шею.

— Скорее, мы спасли друг друга.

Кильвиус усмехнулся. — Она сказала, что вы так скажете. — Затем улыбка исчезла. — Мы думали, что потеряли ее. Племя обшарило Эвервуд, но мы так и не смогли его найти.

— Бариона?

— Проклятый продавец драконьего масла. — Лицо Кильвиуса потемнело на мгновение, а затем вернулось в нормальное состояние. — Независимо от того, кто кого спас, я навсегда в долгу перед вами. Моя жена тоже, хотя она никогда не признается в этом. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. — Он промокнул глаза.

Неттари бесшумно проскользнула в ванную. — Он заснул.

— Я никогда не пойму, как ты это делаешь. — Кильвиус одарил жену язвительной улыбкой.

— Я уже говорила, ты слишком стимулируешь Рина, тебе приходится из кожи вон лезть, чтобы быть нарочито скучным… — Неттари замялась, посмотрев на меня. — Черт возьми, Кильвиус.

— Что? — сказал он. Я посмотрел в зеркало, чтобы убедиться, что у меня нет случайной копны пропавших волос.

— Я сказала прибраться, а не изменить образ. Он должен выглядеть хотя бы немного правдоподобно, как будто только что вышел из камеры магуса. — Неттари подошла ко ближе,

изучая меня. Затем, к моему ужасу, положила руку на мои безупречно уложенные волосы и надавила, жестоко взъерошив их.

Кильвиус вскрикнул в знак протеста.

К неудовольствию родителей, Майя ждала меня у двери. Она пересекла комнату и яростно обняла меня. — Ты напугал меня до смерти, — прошептала она мне на ухо.

Я обнял ее в ответ, радуясь больше, чем ожидал. — Я в порядке. Обещаю. Что такое пара смертельных случаев для друзей?

— Когда люди Гемона забрали тебя, я подумала… — У нее перехватило дыхание.

Я похлопал ее по спине. — Немного одиночного заключения недостаточно, чтобы свалить меня. Они честно вели себя цивилизованно. Даже не избили за это время. — Через ее плечо я увидел, как Неттари бросила на меня взгляд, который можно было описать только как ехидно-враждебный. Нервничая, я отпустил Майю и сделал шаг назад.

Лицо Неттари смягчилось, и она положила руку на плечо Майи. — Дальше я сама, ниленд.

— Мама хороша в своем деле. — Майя вытерла рукавом лицо. — Просто делай то, что она говорит.

По дороге Неттари вдалбливала мне в голову бесконечное количество информации. Как правильно здороваться. Как кланяться. Когда следует встать. Из пяти членов совета двое были фактически пустышками, они будут следовать тому, что решит большинство. Членами совета, представляющими интерес, были Гемон, Нефира и Ралакос.

Гемон, что неудивительно, возглавлял враждебную фракцию и контролировал вооруженные силы и безопасность анклава. Он сделает все возможное, чтобы меня убили.

Эфира возглавляла торговую и нейтральную фракцию, она не была особенно заинтересована ни в одной из позиций, но имела собственные взгляды. Ее можно было переубедить, но это будет трудно и потребует значительных усилий.

Наконец, Ралакос был моим главным союзником. Он был магическим авторитетом в анклаве. Больше, чем кто-либо другой, Ралакос хотел, чтобы пространственные врата были восстановлены. Последние несколько недель он добивался моего освобождения и выступал от моего имени. Ралакос все еще был политиком, но в данном конкретном случае он твердо встал на мою сторону.

Он даже прислал мантию своего цвета, царственного серебристо-голубого цвета, и Неттари велела мне надеть ее.

— Говорите, когда к вам обращаются напрямую. Не перебивайте. Нефира — ключ к успеху, а у нее в заднице стержень размером с палаточный столб, когда дело касается манер, — пробурчала Неттари. — У вас есть опыт общения при королевском дворе, да?

— Да, — сказал я, хотя, скорее всего, он был не столь впечатляющим, как она думает. Мой отец часто брал меня туда, когда я был маленьким, чтобы я увидел так называемые — реалии правления. — Я не упомянул тот факт, что обычно выдерживал около десяти минут, прежде чем заснуть, и эта привычка преследовала меня даже в зрелом возрасте.

— Хорошо. — Неттари кивнула. — Помните, если вы не уверены в том, обращаются к вам или нет, просто посмотрите на меня.

Теперь я стоял перед ними, Неттари — рядом со мной, сложив руки за спиной. Совет расположился прямо над нами, глядя вниз на круглый мраморный пол. Пол, на котором стояли мы с Неттари, был украшен детальным мозаичным изображением сломанного рога, обрамленного фиолетовым пламенем. Центральную часть обрамлял круг из малых членов совета.

И каждый из них выглядел изможденным. Возникло ощущение, что слова о тупиковой ситуации, в которой совет находится уже несколько недель, не были преувеличением. Примечательно, что каждый член совета был разного оттенка фиолетового. Казалось, что в этом есть какой-то классовый подтекст.

Гемон, один из немногих пухлых инферналов, которых я видел, вздохнул слишком драматично и откинулся назад, протягивая ко мне руку ладонью вверх в знак разочарования. Его голос был гнусавым и ехидным.

— Во имя всего низменного и нечестивого, можем мы, пожалуйста, уже просто убить этого ублюдка?

С этого момента Инфернальный суд занял больше моего внимания, чем когда-либо занимал Королевский двор.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2435072